

друзей покойнаго, на всѣ лады восхваляющихъ его заслуги? Нѣтъ, это невозможно, да и не нужно. Слѣдуетъ ли имъ молчать, на основаніи стараго правила: *de mortuis nil nisi bene*? Это правило примѣнимо развѣ къ частной, домашней жизни. Въ области общественной жизни для умершаго тотчасъ же, по выраженію Пушкина, *настаетъ потомство*, начинается исторія... Печать должна говорить объ умершемъ общественномъ дѣятелѣ, со всею откровенностью, которая для нея возможна, но и съ тою сдержанностью, которой требуетъ свѣжесть недавней потери“. Этому убѣжденію мы остаемся вѣрными и теперь, рѣшаясь сказать нѣсколько словъ о публичной дѣятельности М. Н. Каткова. Измѣниться, въ виду его смерти, можетъ лишь тонъ нашего отзыва, но не сущность нашего мнѣнія о покойномъ. Не понимаютъ или не хотятъ понять этого только тѣ органы печати, которые *требовали*, во что бы то ни стало, плача по Катковѣ. И на этотъ разъ, какъ послѣ смерти Скобелева, какъ послѣ смерти Аксакова, мы видѣли печальное зрѣлище людей, не столько изливающихъ свою скорбь, сколько наблюдающихъ за тѣмъ, въ достаточной ли мѣрѣ выказываютъ себя огорченными другіе. „Увеличилось ли бы, — спрашивали мы по поводу криковъ, раздававшихся надъ могилой Аксакова, — увеличилось ли бы благочиніе похоронъ, еслибы самозванные блюстители порядка стали сбивать шляпы съ прохожихъ, не обнажившихъ головы, еслибы плакальщики, идущіе за погребальной колесницей, стали громко бранить всѣхъ тѣхъ, кто не заливадается слезами?“ Теперь этотъ вопросъ могъ бы быть повторенъ съ еще болѣе сильнымъ основаніемъ, съ еще болѣе сильной.

Есть люди, всю жизнь остающіеся вѣрными однажды избранному пути, непрерывно служащіе одной и той же идеѣ; есть другіе, много разъ мѣнявшіе свое знамя. Безусловнаго преимущества надъ послѣдними первые не имѣютъ; нѣтъ ничего постыднаго въ сознаніи ошибки, въ постепенномъ или даже внезапномъ переходѣ отъ одного образа мыслей къ другому, лишь бы только въ основаніи перехода лежало убѣжденіе, чуждое разсчета. Между политическими и литературными дѣятелями, сжегшими то, чему поклонялись, и поклонившимися тому, что сжигали, насчитываются такіе звѣзды первой величины, какъ Гладстонъ, В. Гюго, какъ нашъ Бѣлинскій. Неудивительно и то, что неопитъ извѣстнаго ученія часто оказывается болѣе ревностнымъ, болѣе пламеннымъ его защитникомъ, чѣмъ давнишній его приверженецъ, никогда не молившійся другимъ богамъ. Кто отрѣшился, *bona fide*, отъ своихъ прежнихъ идеаловъ, тотъ потерялъ, въ большинствѣ случаевъ, способность относиться къ нимъ спокойно и безпристрастно; доказавъ ихъ несостоятельность самому себѣ, онъ невольно стремится доказать ее другимъ — и чѣмъ тяжелѣе была вну-